

извлечь ее и вербализовать и очевидное предпочтение легкого восприятия визуальных стимулов логике и углублению в текст с проведением аналитико-синтетической деятельности ЦНС. Поэтому проблемность клипового мышления остается, и актуализируется задача психофизиологических исследований проявления его «действия» в контексте ВПФ — мышления, памяти, восприятия — как значимого момента познания мыслительных способностей, возможностей современного человека и как важного условия организации его познавательной деятельности.

The article reflects the current understanding of the role of the modern perception of the world, immersed in a virtual reality world web web. The idea of the «video thinking» does not reflect the real situation with the reality of the psychophysiology of cognitive processes that this article is reflected.

Keywords: the video thinking, perception, sensory memory, consciousness.

Литература

1. *Азаренок, Н. В.* Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире / Н. В. Азаренок // Психология человека в современном мире : матер. Всерос. юб. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. С. Л. Рубинштейна. — М., 2009. — Т. 5 : Личность и группа в условиях социальных изменений / отв. ред. А. Л. Журавлев. — С. 110—112.
2. *Азаренок, Н. В.* Klipovoe soznanie i ego vlijanie na psihologiju cheloveka v sovremennom mire / N. V. Azarenok // Psihologija cheloveka v sovremennom mire : mater. Vseros. jub. nauch. konf., posvjashh. 120-letiju so dnja rozhd. S. L. Rubinshtejna. — М., 2009. — Т. 5 : Lichnost' i gruppa v usloviyah social'nyh izmenenij / отв. red. A. L. Zhuravlev. — S. 110—112.
3. *Гиренок, Ф. И.* Метафизика пата (косноязычие усталого человека) / Ф. И. Гиренок. — М. : Лабиринт, 1995. — 201 с.
4. *Гиренок, Ф. И.* Metafizika pata (kosnojazychie ustalogo cheloveka) / F. I. Girenok. — М. : Labirint, 1995. — 201 s.
5. *Маклюэн, М.* Галактика Гутенберга : Становление человека печатающего / М. Маклюэн. — М. : Акад. проект, 2005. — 496 с.
6. *Маклюэн, М.* Galaktika Gutenberga : Stanovlenie cheloveka pechatajushhego / M. Makljujen. — М. : Akad. proekt, 2005. — 496 s.
7. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова [и др.]. — М. : Педагогика, 1983.
8. *Психологический словарь* / pod red. V. V. Davydova [i dr.]. — М. : Pedagogika, 1983.
9. *Фрумкин, К. Г.* Клиповое мышление и судьба линейного текста [Электронный ресурс] / К. Г. Фрумкин // Ineternum. — 2010. — № 1. — Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm
10. *Фрумкин, К. Г.* Klipovoe myshlenie i sud'ba linejnogo teksta [Jelektronnyj resurs] / K. G. Frumkin // Ineternum. — 2010. — № 1. — Rezhim dostupa: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm
11. *Rosen, L.* Me, My Space, and I : Parenting the Net Generation / L. Rosen. — N. Y., 2007. — 258 p.

Память в становлении и организации индивидуальной жизни человека

Память в пространстве-времени жизни человека

К. А. Абульханова

Память в жизни личности (к постановке проблемы)

В статье рассматриваются особенности памяти личности, связанные со временем ее жизненного пути и психосоциальным контекстом в целом. Понимание роли памяти как прошлого жизни личности положено в основу типологий личностей. Данная типология позволяет рассмотреть память личности в контексте ее жизненного пути, а не только как воспоминаний о прошлом, его запоминания. Показано, что функционирование памяти в жизни личности происходит на линии объективного разрыва прошлого и настоящего, преодолевая его. Отсюда память является психическим механизмом, который идеально «разрушает» онтологический барьер настоящего и прошлого. Обсуждаются критерии отнесения жизненных событий личности к настоящему или прошлому, а также уровни связи (смены) настоящего и прошлого. При этом

избирательность памяти составляет идеально ценностную ткань жизни личности, т. е. становится существенным ее отношение к жизни в целом. Как результат, историческая память хранит и оценивает прошлое не как несовершенное, неразвитое, архаичное, но как основу человеческого бытия, сущего, источника развития.

Ключевые слова: память, личность, время, прошедшее, настоящее, будущее.

Проблемы, механизмы, виды, функции памяти являются наиболее детально исследованными областями психологии. Однако только в конце 30-х — начале 40-х гг. (и именно в отечественной психологии) осуществился **радикальный отрыв** от ее классической постановки, рассматривавшей ее как одну из функций, как «единицу» сознания и исходившей непосредственно из нее как предмета исследования. С. Л. Рубинштейном, А. А. Смирновым и многими другими психологами она стала рассматриваться в *контексте ее связей — с деятельностью, мышлением, личностью*. Это, в свою очередь, открыло путь к выявлению ее развития, возможностей, ограничений, типологии и т. д.

Однако и сама личность, обладающая способностью к памяти, и ее деятельность, в свою очередь, до определенного момента рассматривались достаточно локально (если вспомнить кочующие из учебника в учебник определения первой как единства социального и биологического или предмета психологии и общественных наук, а второй — как единства целей, средств и результата и т. п.). Между тем даже исследования **развития** личности (как правило, привязанные к возрастной периодизации и наиболее сконцентрировавшиеся на детском возрасте) заключали в себе установку на стандартизацию, универсализацию — своеобразную законоподобность его объяснения и потому диалектики, индивидуального характера противоречий самой личности на этом пути не улавливали.

За прошедшие годы «дерево» (по выражению Б. Ф. Ломова) разрослось, включив в свои ветви самые разнообразные направления: образовательные, медицинские, информационные и т. д. Однако мы предполагаем наличие некоторого основания, которое может послужить интеграции этих расходящихся направлений или по крайней мере их обобщению.

Интегрирующими это многообразие направлений являются личностные особенности памяти, связанные *со временем ее жизненного пути* и психосоциальным контекстом в целом. Традиционно время жизненного пути дифференцируется на прошлое, настоящее и будущее. Прошлое, в свою очередь, относительно личности С. Л. Рубинштейн¹ ярчайшим образом охарактеризовал как «содеянное и упущенное» — соотношение личностных *достижений* (чаще принято говорить о приобретенном ею жизненном или более конкретно — деятельном и т. д. *опыте*) и *потерь*. Под последним более определенно Рубинштейн подразумевал «упущенное» (не потери близких, благосостояния и т. д., от личности не зависящие, а потери, связанные с нереализованными *возможностями* личности, или *совокупность обстоятельств*, в которых могли в это время эти возможности ею реализоваться).

Если союз «и» в рубинштейновской фразе заменить неким «уравнением», «*пропорцией*» достижений и потерь, то в целом эта пропорция будет обозначать степень реализованности *потери времени* жизни в целом и *меру самореализации личности на предшествующем* этапе ее жизненного пути.

¹ С. Л. Рубинштейн уделял большое внимание исследованию памяти, определяя ее виды, типы, процессуальные характеристики и уровни функционирования, жестко подчеркивая неразрывную связь памяти с мышлением [5 и др.]. В последнем случае особое значение имеют теоретические и экспериментальные исследования, проведенные им совместно с К. А. Славской, связанные с изучением «актуализации знаний в процессе мышления» [5. С. 294] (см. также: [4; 6]).

Однако это «уравнение» имеет индивидуально-типологический характер. Одни люди, рано взрослеющие или обладающие исключительными способностями, уже на ранних этапах жизни (одни даже в детстве, другие в молодости) отличаются рано достигнутым результатом относительно жизни в целом. Биографическая литература изобилует этими примерами.

Однако дальнейший их жизненный путь показывает, что одни на «гребне» этих достижений, «деяний» поднимаются далее все выше к новым вершинам, другие же, как пишет С. Л. Рубинштейн в некрологе на смерть Н. Н. Ланге, вложили в свои достижения все, на что были способны, и исчерпали тем самым себя, свои силы и возможности. И вся их дальнейшая жизнь либо «питается» отсветом этих достижений (славой и т. д.), либо представляет собой «дальнейшее — молчание» (не смерть, как в «Гамлете», но увядание личности, ее активности, действенности).

Первый тип личности, в свою очередь, дифференцируется на тех, чьи деяния, достижения *умножают* силы личности, совершенствуют ее «жизнеспособность» (Д. А. Леонтьев и др.) — они достигают высшего уровня своего развития (обретая мудрость, веру в свои силы, жизненный опыт и т. д.), и тех, кому с достигнутой вершины открываются *новые* перспективы, чьи деяния *преодолевают разрыв между прошлым и будущим*. Различие состоит в том, что достижения одних *аккумулируются в их личность*, тогда как других — в *перспективность их жизненного пути*. Прошлое «прокидывается» на будущее.

На первый взгляд эти различия очень трудно дифференцировать — эти качества самым тесным образом связаны между собой, но на самом деле они могут различаться таким образом: «Я сам», или «мой способ жизни», или «мое будущее».

Второй тип может быть дифференцирован на такую индивидуальность, достижения которой дались слишком *высокой ценой* (ценой потерь — жизненных сил, смысла жизни и т. д.), и на индивидуальность, которая смогла достичь своей вершины только при данных благоприятных *обстоятельствах*, а при изменившихся условиях будет снижать свою жизненную траекторию. Эти индивидуальности отражены в терминах Э. Фромма «быть» или «иметь». Последняя достигла полной удовлетворенности, а приобретенное погашает ее дальнейшую активность, желания. Ко второму типу может быть отнесена и такая индивидуальность, которая своими высшими достижениями не разрешает своего внутреннего противоречия: оно было движущей силой достигнутого, но оно же сокрушает, сжигает личность, поскольку этим достижением она его все же не разрешает.

Мы остановились на этой типологии, поскольку именно она раскрывает *особенность памяти* как *прошлого* жизни личности — именно в контексте ее жизненного пути, а не только как воспоминаний о прошлом, его запоминания. И все разнообразные и противоречивые житейские и художественные обобщения прошлого времени жизни: «мое время уже ушло», «прошлого не вернуть», «мои года — мое богатство» и т. д. — лишь подтверждают это утверждение.

Но высказанное открывает другую сторону проблемы: в какой же *степени, насколько, когда* прошлое категорически *отделено* от настоящего и будущего (по образному выражению «расставанье — маленькая смерть») и *чем* — только ли памятью, или самой личностью, или даже самой жизнью — они неразрывно связаны?

Контекстом поиска на этот вопрос является *время* [2].

При всей акцентированности предпринятого нами совместно с сотрудниками и аспирантами Лаборатории личности Института психологии РАН

направления исследований времени на его личностно-субъектном характере есть такой «срез» времени, который можно назвать *неотвратимо* объективным. Это, во-первых, факт человеческой смерти, когда объективно прекращается жизнь, а от личности остается только память о ней живущих. Но кроме этого существует еще второй, мягко говоря, факт *необратимости*... Человек ничего уже не может сделать, поправить, осуществить, дополнить *во вчерашнем дне*. Смена *физического* времени, дня и ночи, вчерашнего и сегодняшнего, в котором мы живем, *однозначно* детерминирует *абсолютную отделенность* прошедшего (дня, недели, месяца, года) от настоящего. Мы не можем ни двинуть рукой во времени вчерашнего дня, ни совершить в нем другой или новый поступок, ни сказать другое слово¹.

В этом смысле наша память «имеет дело» с *необратимостью прошлого*, а ее функцией является его *воссоздание*. И если движение, действие, поступок, слово остаются однозначно привязанными ко дню вчерашнему, уже прошедшему, то память *произвольна*, полидетерминирована в своем воспроизведении прошлого. Иногда мы даже не можем точно вспомнить, а в какой час, день, месяц, год мы совершили нечто, нечто сказали, предприняли. И вот тогда, в *этом контексте*, более чем отчетливо *проявляется ее зависимость от личности* и вплетенность — через последнюю — в ее жизнь.

Иногда наша память как бы произвольно начинает *забывать* негативное (что мы *хотели бы забыть*) или, напротив, все вновь и вновь его настойчиво *воспроизводит* (вопреки тому, что мы произвольно, сознательно забыть бы хотели). То же относится к воспоминаниям о лучшем в прошлом.

Таким образом, память функционирует на линии объективного *разрыва* прошлого и настоящего, преодолевая его. Память является таким психическим механизмом, который *идеально* «разрушает» онтологический барьер настоящего и прошлого. Но он не становится регулятором *реальной деятельности* и функционирования организма, личности в прошлом. Это достаточно важный момент в понимании регуляторных способностей, возможностей (в данном случае — ограничений) психики в целом.

Однако воссоздание прошлого в настоящем времени осуществляется не только памятью как особой изолированной идеальной способностью. Она *соединяется* с чувствами и воспроизводит прошлое *экзистенциально* в сегодняшних *переживаниях личности* (И. А. Джидарьян). Это особая *эмоциональная* память, которая пролонгирует, продлевает прошлое в настоящем (А. О. Прохоров).

¹ Разрыв настоящего с прошлым обеспечивается объективной сменой времени дня и ночи, которой достаточно стабильно соответствует смена режима жизни — бодрствования и сна организма человека. (Это особенно явственно при сравнении со спячкой некоторых видов животных, которая имеет иную длительность и привязана к иному — зимнему — времени года, зимним месяцам.) Столетиями ранее (в России) бодрствование было тесно связано с восходом, а сон — с заходом солнца, т. е. световым днем как условием деревенского труда. Появление различных светильников (от свечи до керосиновой лампы) удлинит время бодрствования и видов труда в освещенном помещении. Во второй половине XX столетия и начале нового тысячелетия дневное и ночное время в России стало объектом государственного регулирования, что часто нарушает индивидуальные привычки и режим труда. Однако это детали в сравнении с функционированием организма (и мозга) в режиме сна и бодрствования, соответствующим смене дня и ночи, которая *необратимо отделяет* прошлое от настоящего. Разумеется, исключительные случаи длительного бодрствования (труда и в дневное, и ночное время) являются исключением из этой однозначной детерминированности: пока человек работает (бодрствует) — это для него *настоящее* время, что вносит некоторую поправку в общую формулу, не отменяя ее универсальности.

Воссоздание или забвение прошлого в настоящем, упомянутое выше, касается не только воспоминаний о прекрасном или о трагическом: сегодняшнее чувство прекрасного может сочетаться с грустью утраты (сама память воздвигает барьер между прошлым и настоящим), а утрата — со светлым чувством, что утраченное *было*. Память воссоздает прошлое в бесконечном богатстве *интерпретаций* (А. Н. Славская [7]), строя их конструкты с позиций, достижений, состояний и чувств сегодняшнего дня или прошедшего. Интерпретации памяти имеют разную *личностную* модальность: вины, гордости, страха, сожаления...

Связь между прошлым и настоящим по-другому — *собственно личностному* — основанию обеспечивает *ценностное сознание*: осознание произошедшего, вера наступают только сегодня. Представляется, что память о произошедшем какое-то время отсутствовала. Большая часть деятельности и поступков, как известно, осуществляются на основе *сознательной* регуляции. Однако из этой закономерности есть исключение. Все значение собственного (или другого человека) поступка может быть осмыслено иногда гораздо позднее, т. е. в далеко отстоящем от того дня времени.

Настоящим можно считать время, которое объективно требуется для осуществления данной деятельности или необходимо для ее сознательного осуществления субъектом. Однако в этом настоящем времени осуществления деятельности обычно выделяются некоторые *завершенные* этапы, решенные задачи, т. е. достижения, относящиеся в известном смысле уже к *прошлому*. Если же деятельность охватывает целый значительный период жизни личности (и в этом смысле представляет ее настоящее), то в нем одновременно могут быть выделены *фрагменты*, составляющие ее *прошлое*.

Критерием отнесения их к прошлому является их *законченность*, завершенность, тогда как деятельность в целом продолжает осуществляться в *настоящем*. Но в отличие от необратимости прошлого и настоящего в смене дня и ночи, эти прошлые достижения, ошибки, недостатки могут быть личностью скорректированы, она может вернуться к ним еще раз, причем вернуться реально, а не в воспоминаниях. Это положение не имеет абсолютного значения: оно распространяется на одни виды деятельности, но неприменимо к другим. Писатель может переделать первую главу своего романа, в данный момент работа уже над десятой. В определенной степени может быть усовершенствован физический предмет деятельности, повторен однажды проведенный эксперимент. Причиной возврата к прошлому здесь является не сама память, а задача, решаемая в настоящем, или смутное чувство неудовлетворенности, оставшееся при решении прошлой задачи и актуализированное в настоящем. Память в таких случаях является лишь неосознанной основой *обратимости*, допустимой деятельностью или ее субъектом.

Таким образом, в описанном выше выделяются *уровни* связи (смены) настоящего и прошлого. *Первый* — смена дня и ночи, связанная с режимом функционирования человеческого организма (человек не может осуществлять деятельность во вчерашнем дне). Однако вчерашний, сегодняшний и завтрашний дни могут быть *настоящим* его реальной деятельности, т. е. *второй* — это пространственно-временной контур деятельности и разные этапы ее завершенности в этом контуре, связанные уже с *субъектом деятельности*. *Третий* уровень связи прошлого и настоящего определяется оценками человека своих поступков, слов, чувств как непоправимых, необратимых или имеющих свои негативные/позитивные последствия для настоящего. Другие он может и стремится исправить, «искупить вину» и т. д. Здесь память выступает в связи с *сознанием как ценностным (оценочным) отношением* человека к прошлой жизни.

Иными словами, и деятельность, и поступки, и отношение к прошлым событиям включены в еще более широкий (и более высокого уровня) контекст *жизни личности в целом*. А рассмотрение памяти в этом контексте требует учета множества *диалектических* проблем. Жизненный путь, который проходит личность, непрерывно (или периодически) *изменяется*, так же как изменяется (развивается, совершенствуется/деградирует) и сама личность. И если следовать самому общему определению памяти как воспроизведению в настоящем того, что *было*, т. е. действительно имело место в прошлом, то уже нюансы этого определения предполагают, что *хорошая* память — это достаточно *точное* воспроизведение, а эмоционально-ценностное — это скорее *интерпретация* прошлого (А. Н. Славская [7]).

И самая общая диалектическая проблема заключается в том, что память должна воссоздать то, что действительно имело место (а не нашу фантазию), но воссоздать, переосмыслив, переоценив, реинтерпретировав (В. А. Кольцова, П. Рикех) с позиций сегодняшнего дня, с *изменившейся* жизненной *позиции*.

Очевидно, что юношеские ценности — первые чувства, поиск самого себя, друзей, профессии, связанные с развитием и становлением личности, оцениваются как уже пройденный, прожитый этап жизни. И жизненная память сохраняет их как *прошлое*. И воспоминания становятся *избирательными* — когда-то вспоминается сила пережитых чувств¹, уже неповторимая, когда-то то, что было лишь ростком, выросшим сегодня в плодоносящее дерево, когда-то и сегодня мучающая совесть ошибка... Но при всей той избирательности память составляет идеально ценностную ткань нашей жизни.

Исходно существенным становится *отношение* личности к *жизни в целом*. Одни считают прошлое уже завершенным, себя изжившим, другие рассматривают его как предпосылку, своего рода «трамплин» настоящего. Третьи — как неудавшийся пролог к неудачной жизни в целом и т. д. Кто-то страшится, «зачеркнув» прошлое, каким бы оно ни было, начать жизнь *заново*, с нуля, с «чистого листа». Преобладающим, наиболее общим является негативное, критическое или позитивное отношение к прошлому. Целая совокупность ценностных, хотя порой противоречивых критериев использует личность в оценке прошлого своей жизни. Иногда оценки эти при воспоминаниях быстро *сменяются*: «Вчера я думала, что с самого начала сама испортила себе жизнь. Сегодня, думаю, не так-то все уж было и плохо». Эти оценки, повторяем, зависят и от настоящей жизненной позиции, и от отношения к прошлому в целом (пессимистического/оптимистического по С. Л. Рубинштейну), и от сегодняшней (ситуативной), и от обобщающей «работы» сознания, и от эмоционального состояния данного момента, и от произошедших в человеке и его жизни изменений. В силу этого жизненная память личности глубоко *индивидуализирована*, завися одновременно и от ее самооценки, и от степени реализованности в жизни, и от отношения к последней в целом в связи с ее смыслом (Д. А. Леонтьев [3]) (и с сегодняшней позицией), и от социального сравнения, и от взаимоотношений с людьми, и от места в обществе и т. д. и т. п.

И если при этой *полидетерминированности*, определяющей *индивидуальный* характер *жизненной* памяти личности, все же попытаться найти нечто существенно общее, то этим общим, на наш взгляд, окажется диалектичность нашего сознания и мышления в жизненной памяти, в оценке прошлого.

¹ «Не пробуждай воспоминаний минувших дней — минувших дней.
Не возродить былых желаний в душе моей — в душе моей».

Наиболее явно эта диалектичность проявляется в *мудрости* личности. «Не живет тот, кто не делает ошибок», «На ошибках учатся», «Наши ошибки — это наш жизненный опыт» и множество других обобщений воплощено в народной мудрости. Ошибка не как *потеря*, а как *приобретение* опыта жизни — это позитивная оценка негативного в прошлом, свидетельство зрелости личности (по Б. Г. Ананьеву) и ее мудрости.

Такая мудрость памяти жизни — это достижение сознания и самой личности, это *поддержка* ее жизнеспособности и жизнестойкости.

То же относится к ударам, полученным *в* жизни *от* жизни и *людей*: «За небитого пять битых дают». Это не ошибки личности, а *испытания*, через которые приходится пройти почти каждому.

И в этой связи современная ценность «благополучной» жизни, на наш взгляд, относительна. Это благополучие сплошь и рядом создается удачными внешними обстоятельствами, поддержкой окружающих, а то и нечестным способом его достижения самим человеком. Разумеется, никто не отрицает благополучия, достигнутого самой личностью достойным трудом, талантом, своими силами. Однако «через тернии к звездам» («per aspera ad astrem») остается гуманистической ценностью человеческой жизни.

И в этом ключе память прошлого, дающая его оценку («помешали», «не дали») через препятствующие удачной *судьбе* внешние обстоятельства, людей и т. д., — это память личности, уходящей от ответственности за собственную жизнь. Это суждение не абсолютно, т. к. реально так и складывается жизнь отдельных людей, поколений, народов, но оно правомерно в пределах проблемы оценки самой личностью своего прошлого с позиций внешнего или внутреннего («Я»). Такая память — свидетельство непризнания личностью себя субъектом собственной жизни или абсолютизации ею внешних обстоятельств.

Но даже память о прошлых *испытаниях*, если в них человек не потерял себя, одержал победу, — это источник его гордости, уверенности в себе, своих силах. И общая оценка жизни как «борьбы» или «удовольствий», преобладающая в психологии отдельных людей или обществ, является выражением упомянутого жизненного кредо — «быть» или «иметь». Победа личности над заложенным в каждом человеке инстинктом самосохранения и одновременно способность воплотить в жизни лучшее своего «Я» является его важнейшим жизненным достижением, а память о прошлых победах — источником жизненных сил.

Людьми религиозными трудности жизни воспринимаются как своеобразное благо, поскольку известной максимой веры является убеждение, что эти испытания посланы Господом, а их тяжесть соизмерена им со способностью человека их выдержать. Здесь беды, несчастья, жизненные удары переносятся легче, поскольку они опираются на глубокую веру, что Бог не испытывает, не наказывает, а верит в их силу. Правда, склонность российской ментальности к страдательности на первый взгляд противоречит религиозной оценке уныния как греха. Но если страдательность связывается с выносливостью, терпением, т. е. с *силой* духа, то уныние — со слабостью души. И мало кто из религиозных философов XIX в. обратил внимание и на эту божественную щедрость, которая заключена в исповедальном обряде отпущения грехов. Человека *сразу* освобождают от мучительного прошлого, ему помогают освободиться от часто не преодолимого им самим чувства вины, тяжести прошлого. Постоянное и в молитвах упоминание греховности человека и с помощью священника, храма очищение от реально совершенных грехов снимается с его памяти и совести.

Эти уложения православия, вошедшие в *историческое* сознание, в российский менталитет, представляются сохранившимися в самых его глубинах. Несмотря на прерванность в преемственности цепи поколений российского народа (запрет религии, разрушение храмов, уничтожение священнослужителей, погребение святых и святынь, отсутствие религиозного воспитания и т. д.), в российском сознании сохранилась *историческая* память. Одна ее присущая старшему поколению оценка постоянно звучит рефреном в обыденной жизни: «А вот раньше так не было, было лучше». Другая основа исторической памяти хранится в подсознании, в привязанности к своей земле, народу, традициям. Эти корни не уходят в прошлое, не вспоминаются от случая к случаю — они составляют фундамент бытия человека. Научный, технический прогресс, глобализация не отменяют, не вырывают этих корней. Последние поддерживаются разного рода общностями, общинами, родословными, преемственностью поколений. Разумеется, прогресс, в том числе образа жизни, образования, поведения, сплошь и рядом вступает в противоречие, даже борьбу (особенно явственно проявляющуюся в конфликтах поколений, в появлении новых образцов поведения, моды и т. д.). Однако корни прошлого — его «память» — внедрены не только в глубины внутреннего мира (В. Д. Шадриков) личности, общности, но и в произведения культуры (архитектура, живопись, музыка). Это — особая историческая память, реально присутствующая в *настоящем*.

Историческая память хранит и оценивает прошлое не как несовершенное, неразвитое, архаичное, но как основу человеческого бытия, сущего, источника развития.

The person's memory lifetime characteristic properties are discussed in the article. The personality memory is considered as a person's past life that is suggested as a ground for typology. The suggested personality typology enables to look at person memory in a wide context of course of life rather than regard as recollection and the memorizing of this recollection. It is shown that during the life the personality memory functioning occurs on the line of objective discontinuity of past and presence, and then overcomes that discontinuity. As such, the memory is a psychic mechanism that ideally destroys the ontological barrier of presence and past. The criteria of attribution of life events to presence and past, and the levels of interrelation (shift) between presence and past are discussed. With all this going on the memory selectivity perfectly makes up the valuable gist of person's life, in other words the person's relation to life is filled up with sense. As a result, the historical memory keep and state the value of past as a basis of human being, existence, and source of development, rather than as something incomplete, undeveloped, and archaic.

Keywords: memory, personality, time, last, real, future.

Литература

1. *Абульханова-Славская, К. А.* Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
Abul'hanova-Slavskaja, K. A. Strategija zhizni / K. A. Abul'hanova-Slavskaja. — M.: Mysl', 1991. — 299 s.
2. *Абульханова-Славская, К. А.* Время личности и время жизни / К. А. Абульханова, Т. Н. Березина; [Рос. акад. наук. Ин-т психологии]. — СПб.: Алетия, 2001. — 299 с.
Abul'hanova-Slavskaja, K. A. Vremja lichnosti i vremja zhizni / K. A. Abul'hanova, T. N. Berezina; [Ros. akad. nauk. In-t psihologii]. — SPb.: Aletija, 2001. — 299 s.
3. *Леонтьев, Д. А.* Психология смысла: природа, строение, динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. — 2-е изд., испр. — М.: Смысл, 2003.
Leon'tev, D. A. Psihologija smysla: priroda, stroenie, dinamika smyslovoj real'nosti / D. A. Leont'ev. — 2-e izd., ispr. — M.: Smysl, 2003.
4. *Рубинштейн, С. Л.* Принципы и пути развития психологии / С. Л. Рубинштейн. — М., 1959.
Rubinshtejn, S. L. Principy i puti razvitija psihologii / S. L. Rubinshtejn. — M., 1959.
5. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2000.
Rubinshtejn S. L. Osnovy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. — SPb.: Piter, 2000.
6. *Славская, К. А.* Процесс мышления и использование знаний / К. А. Славская // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / под ред. С. Л. Рубинштейна. — М., 1960.

Slavskaja, K. A. Process myshlenija i ispol'zovanie znaniij / K. A. Slavskaja // Process myshlenija i zakonomernosti analiza, sinteza i obobshhenija / pod red. S. L. Rubinshtejna. — M., 1960.

7. *Славская, А. Н. Личность как субъект интерпретации / А. Н. Славская ; отв. ред. А. В. Брушлинский, В. А. Кольцова. — Дубна : Феникс+, 2002. — 240 с.*

Slavskaja, A. N. Lichnost' kak sub'ekt interpretacii / A. N. Slavskaja ; отв. ред. А. В. Брушлинский, В. А. Кольцова. — Дубна : Feniks+, 2002. — 240 s.

Н. Д. Никандров

Память: размышления и воспоминания

Память является одним из самых распространенных объектов психологических исследований и повседневных размышлений. Однако за несомненно нужным теоретизированием часто забываются практика, конкретные приемы запоминания и припоминания. Приводятся соответствующие примеры из опыта лекционной и исследовательской работы автора, отмечаются различия, связанные с современным развитием информационных технологий.

Ключевые слова: память, запоминание, забывание, учебный труд, информационная психология.

Все жалуются на слабую память, но никто — на слабый ум.

Франсуа де Ларошфуко

Уже этот краткий эпиграф позволит немного поразмышлять. Он говорит о том, что признать свои проблемы с памятью обычно по какому-то конкретному случаю забывания можно, и это никак не говорит о человеке плохо. По этому поводу можно даже пошутить. Совсем другое дело — ум. Даже если не делать прямого ввода о том, что иметь слабый ум — значит быть слабоумным, скорее всего, интуитивно, без особых размышлений человек не будет жаловаться на свой слабый ум, а соответствующее утверждение о другом будет этим другим расценено как обидное и оскорбительное. Память многими считается «просто» даром природы (или Бога), в то время как понятие умного человека обычно синкретично, оно включает и широкие познания, и сообразительность, и умение решать практические и теоретические задачи, и многое другое. То есть ум не только дар, но и результат работы человека. Так считал, в частности, советский психолог Ю. А. Самарин [5], которого автор статьи вспоминает с чувством глубокой благодарности. Юрий Александрович не столько дидактически наставлял молодого соискателя кандидатской степени, сколько умно и ненавязчиво направлял в неумелых научных поисках.

Ю. А. Самарин невольно и при весьма печальных обстоятельствах пробудил мой (прошу редактора и читателей разрешить продолжить повествование от первого лица. — *Н. Н.*) интерес к проблеме памяти. Он заведовал кафедрой педагогики высшей школы в ЛГПИ им. А. И. Герцена, тогда первой и единственной в СССР. Но судьба отпустила ему мало времени на работу в этой должности, он скончался в 1969 г., а в следующем году я был назначен заведующим. Основным делом кафедры было чтение курсов педагогики высшей школы для преподавателей педагогических вузов страны, приезжавших на повышение квалификации, а также проведение соответствующих исследований. Но наш небольшой коллектив читал также курс «Введение в специальность». Подобные курсы с разными названиями читались и в других местах. Но, пожалуй, особенностью нашего подхода было большее внимание, которое мы уделяли части курса, имевшей целью научить студентов организовать свой учебный труд, а значит, и **свою память**.

По понятным причинам память всегда интересовала человека, соответственно, с древних времен накоплено немало практически важных наблюдений о ее функционировании и развитии, позднее она исследовалась очень многими и